

Амаяк ТЕР-АБРАМЯНЦ

Амаяк Тер-Абрамянц родился в Таллине в 1952 году. Окончил 2-й Московский медицинский институт и Литературный институт. Публиковался в журналах «Грани», «Литературная Армения», «Таллинн», «Радуга», «Знамя» и многих других. Автор семи книг прозы. С 1961 года живет в Москве. Во время событий августа 1991 года участвовал в обороне Белого дома, награжден медалью «Защитнику свободной России».

ИМЯ ТВОЁ
(Август 91-го)

Рассказ

Такого он не видел никогда! Да ещё почти в центре Москвы!

Из подземного проезда с ревом, сотрясающим каждую молекулу организма, вылетали танки, как из под земли рождались дети ада: один... еще один... еще... еще... Он считал и, казалось, этому потоку не будет конца... Начало колонны уже давно затерялось в перспективе проспекта, а они все появлялись, молотя тяжелыми гусеницами асфальт, громяхая и чадя черно-синим дымом... Мчались по Ленинградке к центру Москвы – там у Дома Советов проходил сейчас полумиллионный митинг в поддержку демократии, с которого он только-только возвращался. Мощный рев моторов переворачивал каждую клеточку организма, рождал особый экстаз, выбивая ощущение собственного я, какое-то пьянящее, яростное бесстрашие, чудовищный соблазн швырнуть что-нибудь потяжелее в несокрушимую колонну, но поблизости – ни ветки, ни камня.

Старенький сухонький ветеран, стоящий невдалеке от Нефедова, испытывал совсем иные чувства, воодушевленный видом парней в шлемофонах на оружейных башнях! Пьяненький, в синем костюме с орденскими планками, с расстегнутым воротом рубашки, он то и дело вскидывал худую руку, раскрывая рот в неразборчивом крике, и лишь один раз донеслось: «...а Сталина!» Но он был одинок в своем восторге. Небольшие группы людей вдоль проспекта смотрели на «освободителей» молча и мрачно. Вот от одной кучки людей вдруг полетела ветка, но шлепнулась, не достигнув молотящих асфальт гусениц.

Он шёл домой, по-интеллигентски кисло улыбаясь: больше семидесяти танков и самоходных орудий!.. Что ж, как сказал Солженицын – знают истину танки. Все, конец новой России!

Дома он включил радио и с трудом нашел слабенький голос радиостанции, ведущей сообщения прямо из обложенного со всех сторон Белого дома. Голосок то и дело исчезал, уходил, перекрывался шумом и треском, Он снова находил голос диктора, взволнованно сообщавшего, как ежеминутно меняется обстановка вокруг Белого дома. Вот пришла делегация военных... идут трудные переговоры... Неужели все-таки будут штурмовать?.. Первое в истории России демократически избранное правительство просит народ не расходиться и оставаться у Белого дома, показать свое единство... Это путь ненасильственной борьбы...

Но что может сделать безоружная толпа против танков, которые он сегодня видел? – коммунисты никогда не останавливались перед насилием, никогда не отступали, потому что любое мало-мальское отступление грозило полным

разрушением их теории, уничтожением их самих. Так было всегда – и в Венгрии, и в Германии, и в Новочеркасске, и в Чехословакии, и на площади Тяньаньмэнь в Пекине... Так будет и сегодня... А новая «демократическая» модель усмирения уже успешно работает в Карабахе... Для них всегда правда лишь в силе.

Вытащил из бара бутылку водки. Свернул пробку и, наполнив хрустальную рюмку, выпил одним махом, не закусывая. Зазвенел телефон. В трубке усталый хрипловатый голос друга.

– Ну что, слушаешь?

– Слушаю...

– Значит всему конец, – резюмировал друг и воскликнул: – Подумать только, снова Россия отброшена на семьдесят лет назад!..

Они поговорили еще немного, повздыхали о той великой процветающей свободной России, которую им уже никогда не увидеть.

– Теперь уж только если наши внуки – сказал друг.

Год спустя один из его друзей с любопытством спрашивал: «А как ты решился?..» Он и сам толком не мог ответить. Самые решительные шаги в своей жизни человек часто совершает, наверное, бессознательно, как, к примеру, с его женитьбой. Когда положил трубку – выпил еще рюмку и вдруг начал собираться – он ведь врач! Мыслей не было, в голове было светло, как в операционной, руки все делали сами: собирали лекарства, бинты, швыряли в старую сумку... Что-то должно было произойти сегодня в нескольких километрах отсюда, что-то уже происходило...

Остановить его было некому: жена с годовалым сыном были за городом, на даче. Он подумал, что надо бы кого-нибудь оповестить на случай, если... и тут же сердце тревожно екнуло: суеверно померещилось, что этим он может навлечь черное и жуткое, о чем и думать не хотел... А если... Никаких если! Он обязан вернуться!.. И все же, хоть одного человека необходимо предупредить. Он набрал номер телефона друга и, услышав его голос, произнес только два слова:

– Я еду!

Друг помолчал и сказал, будто извиняясь:

– Я то не могу, сам понимаешь – ноги больные...

Наверное он не прав, рискуя собой – ведь у него малыш, семья... Но если бы не было сына, все равно изворотливый разум нашел бы не менее веские причины не идти – не менее жестоко было оставлять родителей на одинокую старость!.. Он попытался настроить себя положительно: во всяком случае, если что, у тех, кто его любит, есть замена.

Главное было вообще не думать слишком много, потому что все доведенные до логического конца размышления всегда приводят к отказу, неделанию, Но вдруг наступает в жизни момент, когда сердце пересиливает разум! Его инфантильное сорокалетнее поколение умело лишь тайком проклинать коммунистический режим в уютных кухоньках-островках в кругу близких друзей, травить анекдотики, запивая винцом, но рабски выполняло его требования, его сценарий, каким бы абсурдным и унижительным он ни был. Никогда никто не спрашивал их мнения: их гнали, как баранов, на демонстрации, заставляли единогласно голосовать на собраниях, участвовать в пародии – на безальтернативных выборах в советы народных депутатов... А теперь в жизни этой страны впервые что-то зависело от каждого из них, от каждого... Так и сейчас сидеть?

Что-то несло его вперед, отбрасывая все благоразумные рассуждения и доводы, и имя ему было – ВОССТАНИЕ! – восстание против того страха, который семьдесят лет давил страну, против того страха, которым был пропитан его отец, свидетель дикого сталинского террора, ежедневно, ежечасно боявшийся случайного неверного

слова, движения, взгляда... того сакрального страха, который отец завещал и передал сыну как главный спасительный завет, самое драгоценное наследство... Нет, сегодня он устал бояться! Сегодня он этот завет отвергает!

Легко раскачивался залитый светом, почти пустой вагон метро, и что-то жаркими и светлыми волнами проходило сквозь него, толкая вперед и вперед к месту предстоящей бойни, а в том, что она будет, сомнений не было, разве только чудо не вмешается. Но между этими волнами возникали провалы, и тогда со дна души поднимался древний матерый ужас, облекающийся в толпящиеся на подходе черные предчувствия, образы, мысли, готовые ринуться и затопить паникой, и стремясь отогнать их, не пустить на порог сознания, он шутливо напевал про себя: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой!», и страх на время замирал, как грозная кобра, гипнотизируемая дудочкой заклинателя змей. В конце концов, успокаивал он себя, его риск имеет смысл и для сына: чтобы не пришлось ему жить рабом...

По непривычно полупустынным гулким мраморным галереям метро, по мостикам переходов тут и там шагали парни с небольшими рюкзачками, и по тому, как они целеустремленно двигались в одном с ним направлении, нетрудно было догадаться – они несут в себе то же, что и он – ВОССТАНИЕ! Все эти частицы скоро сольются вместе в огромный светлый огонь тысяч и тысяч честных душ!

Он вышел из метро «Баррикадная» под черное небо, с которого моросил теплый дождик. Здесь единицы, сливаясь в большие группы, переходили блестящую мокрым булыжником дорогу. И тут случилось чудо: над одной из групп взметнулся трехцветный российский флаг! Впервые за сорок лет своей жизни он увидел русский флаг в небе! Еще сегодня утром это казалось невозможным! «Вот это уже – мой флаг!» – подумал он с неведомой ранее гордостью.

Было тепло, душно и влажно, как в субтропиках, мелкий теплый дождь продолжал моросить, пока он шел в тесной толпе мимо ошестинившихся арматурой и трубами баррикад: толпа двигалась медленно, время от времени останавливаясь, пропуская то какие-то легковые машины, то автобус... Белый дом сиял над ними в темноте всеми окнами, словно огромный, плывущий в неизвестный океан будущего лайнер, а теплый дождь усилился... За баррикадами вся площадь напротив Дома Советов пузырилась и блестела черными зонтиками – тысячи зонтиков, один к одному, так что, кажется, и воде было негде пролиться на землю! Что-то забавное было в том, что люди, готовые подставить свои головы под танковые снаряды, стараются не намочить: «Революция зонтиков!».

Он долго двигался вдоль цепи взявшихся за руки ребят с хорошими честными лицами, спрашивая, где находится медпункт, и, наконец, оказался перед небольшим двухэтажным зданием на краю площади – приемной Верховного Совета, над входом висел кусок марли с полусмытым небесной влагой розовым крестом. У входа стояла молодая милиционерша. В заполненном народом помещении приемной чувствовалось деятельное возбуждение – в ожидании штурма здесь развертывали импровизированный госпиталь, на некоторых женщинах были белые халаты, вразвалочку прошествовал через зал пухлый, как колобок, белобрысый милиционер в фуражке, кителе и громадным черным ручным пулеметом за спиной. Струсившие городские власти, посчитав их дело обреченным, не прислали к месту предполагаемой бойни ни одной машины скорой, распорядились по всем больницам не выдавать защитникам медикаменты, поэтому были богаты лишь тем, кто что с собой захватил. Лекарства сдавались в общую аптеку – за барьером вешалки. Здесь же прибывших добровольцев записывали в списки и распределяли по бригадам. Он пристроился в хвост небольшой очереди. Еще все можно было изменить... Можно было назвать чужую фамилию, ведь если эти списки попадут к коммунистам, они уж наверняка все

всем припомнят... а документов здесь никто не спрашивал, но это означало бы навсегда остаться в той прошлой, пропитанной страхом жизни. Разум нашёптывал: схитри, никто не узнает! Сердце говорило: не лги себе, научись верить!

Составлявшая список женщина буднично спросила его имя, отчество и фамилию, он назвался – и вдруг ощутил лёгкость дыхания, будто сбросил с себя тяжкий рюкзак после длительного нудного перехода.